

В.В. Розанов
О.И. Каблиц (Юзов)

*По изданию: **Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе
Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. Памяти усопших.**
Том 7. Москва, 1996 г.*

*Впервые опубликовано в журнале «Русское обозрение» № 11, 1893 г. под названием
«Памяти Осипа Ивановича Каблиц».*

4 октября 1893 г. умер *Осип Иванович Каблиц*, более известный под псевдонимом *И. Юзова*, автор книг: "Русские диссиденты", "Староверы и духовные христиане" (СПб., 1881 г.) и "Основы народничества" (второе издание в 1893 году). Покойный занимал в нашей литературе очень определенное и крупное положение: он явился основателем и главою целой партии общественного и литературного движения, отделившегося от радикального лагеря по своим стремлениям, еще слитого с ним по созерцанию и, как в том, так и в этом, частью слитого и частью разделенного со славянофильством. *Народничество* — любимый термин покойного — было символом любовного и внимательного отношения к народу, прислушивания не к одной только нужде его (радикальное направление), но и к его думам, чувствам, всему нравственному и умственному строю, без какого-либо признания за собою права насильственно изменять его, но и без чувства обязанности быть с ним безусловно слитым — что часто не может быть сделано искренно.

Достаточно было хотя несколько знать покойного или раскрыть и прочесть несколько страниц из его книги, чтобы почувствовать в собеседнике или авторе прежде и ярче всего золотое сердце. Признаемся, выслушивая иногда его умные и сложные соображения или ссылки на авторитеты, еще недавно так значащие и теперь так поблекшие (как Спенсер и др.), мы никогда не могли быть так внимательны к ним, как этого желал бы покойный: сквозь все эти рассуждения и ссылки мы видели нечто гораздо более светлое и прочное, чем они, — *совесть*, которая никогда и ни с кем его не допустила бы до насилия. Отсутствие притеснения, в какой бы форме оно ни совершалось, от кого

бы ни исходило, ради каких бы целей ни начиналось, было краеугольным камнем всего его мирозерцания, всякой беседы, каждой страницы его писаний; и, с тем вместе, он вовсе не был либералом. И в самом деле, либерализм в наше время есть только синоним безразличия, умственного и нравственного бессилия; кто же не может чему-нибудь поверить, не имеет силы твердо высказать и защитить какое-нибудь положение, кто не любит более, не исповедует, не ищет нового, не помнит старого — тот все еще достаточен, чтобы быть либералом. Он "свободен" — от чего? От всего, что делает человека сильным и достойным, нужным в истории; от этого либерализм в наше время так часто сливается с узким, замкнутым в себя эгоизмом — и едва ли не с ним одним сливается прочно, "без разрыва и перегиба", как сказал бы геометр. Невозможно представить себе ничего более противоположного этому, как то, что представлял собою покойный: сухощавый, с порывистыми движениями, он казался вечно возбужденным, горел сочувствием или негодованием и, кажется, не было утверждения, которое бы он спокойно принял; не было отрицания, которое бы он равнодушно подтвердил. Личное начало, живой, индивидуальный ум, все различающий, из всего выбирающий, всегда неутомимый, — ярко светились в нем.

Смотря на него, выслушивая его, сколько раз приходилось думать: вот типичный выразитель выздоравливающего нашего общества, которое еще недавно так трудно и тяжело болело. Но воспребладавшие течения своей души он сумел сообщить и очень широким слоям своих читателей, и это принадлежит его таланту и трудолюбию и составляет крупную его заслугу пред обществом и историей.

Осип Иванович Каблиц родился 30 июня 1848 года, в селе Требетове, Поневежского уезда, Ковенской губернии, и был сыном отставного поручика; крещен был "по опасности" в 1850 г. в римско-католическую веру, но десяти лет, в 1858 г., перешел в евангелическо-лютеранскую. Образование получил в Киевской второй гимназии и в Киевском университете, откуда, не окончив курса, принужден был выйти, по горячности и пылкости своего характера. Затем, он принимал участие в разных кружках 70-х годов и, одно время, задумав изучить, сравнительно с русским, быт американского рабочего, без всяких средств и преодолевая все затруднения, пробрался в Соединенные Штаты. Как это и бывает нередко с нашими, отведавшими "заграницы", время ознакомления с нею было для него временем возврата к родному: как он сам сообщал мне однажды, только там он понял, до какой степени внешней свободы еще недостаточно, чтобы человек не был прирешен, унижен, оскорблен в своем достоинстве, как и мягкость нрав-

ственного народного характера сберегает человека от всего этого более, чем влияние учреждений. Никогда не забуду, с какою отрадой я слушал, зная в нем лютеранина и человека "свободных идей", когда о народе нашем он говорил как о самом светлом, терпимом к другому, нетребовательном для себя, среди которого, поэтому, живется легче, чем среди всякого, какого бы то ни было, другого. Между прочим, мы говорили об общине, которой он был горячим сторонником; я ему указывал, что эта форма владения и труда находится в гармонии с духом нашего Православия и не может быть понята без связи с ним в своей особенной устойчивости у нас только¹. Но здесь начинались между нами разногла-

¹ Мы хотим сказать, что есть некоторая связь, гармония между формами труда и владения у всякого народа и его культурными чертами в иных ничего общего с трудом и владением не имеющих сторонах; что в том общем узле, который мы называем "духом народным", коренится не только его антипатия к известным формам управления, к тому или иному церковному строю, но и к тому или иному способу производить работу, относиться к собственности. В частности, общинное или мирское владение землею, как и артельное начало в труде, находятся в незамечаемой обыкновенно гармонии с православием — этим строем церкви *соборным*, то есть в иной и высшей сфере также *общинным*, *религиозно-"мирским"* ("мир" мы берем здесь в смысле "целого", будет ли то церковь, государство, село, толпа людей). Можно думать, что это соборное начало из церкви проникло и в дух народа нашего, отразившись в нем как стремление к внутреннему согласию частей, к устранению какого-либо антагонизма в них, их сильнейшему единству, скрепленню; община, естественно и ранее возникшая, попав под этот особый душевный склад, нашла в нем укрепление, защиту, благоприятный момент для дальнейшего развития; как ранее же и естественно возникнув, она в формах церковного строя и — еще глубже — в складе народного духа нашла на Западе отрицательное условие, в силу которого и погибла. И в самом деле, слишком понятно, что германскому индивидуализму, в сфере труда, гораздо более отвечает одиночно стоящая ферма, не стесняемая личной инициатива, что все и установилось у этих народов; как позднее, под влиянием тех же стремлений, они выработали и церковь, где каждый молится у себя и по-своему, мало думая о слиянии, о единстве с другими. Напротив, патронат — обширное личное землевладение с миром подчиненных себе других владений — в высшей степени отвечает складке романского духа, который и в развитии церковных форм пришел к созданию строгого и насильственного единства, соединению *под* собою, но не в *себе* многих; что крупное землевладение развито более всего в Англии — это не противоречит сказанному: и там возникло оно в католическую пору, и даже под особенными благословениями римской церкви (норманнское завоевание). Таким образом, *ферма*, *патронат*, *община* суть нормы землевладения в разных европейских странах, соответствующих трем разным видам церковного строя у них и восходящие как к первому источнику своему к особенностям их психического сложения. В будущем каждой из этих норм, вероятно, предстоит очищаться от всяких элементов другой, возводиться к совершенству и строгости своего типа; однако это развитие может не иначе получить себе место, как в гармонической связи с развитием по тому же типу и остальных сторон жизни. В частности, у нас судьбы общины неотделимо связаны с судьбою церкви; с нею она будет укрепляться, не иначе как с нею и ослабнет или падет. Разница в народном и нашем воззрении на общину заключается в том, что мы ждем от нее плодов в будущем, народ же видит в ней удовлетворение теперь; мы ищем только материальных выгод,

сия... Вернувшись из Америки, он был некоторое время наборщиком в одной из петербургских типографий, и этому, быть может, следует приписать слабость его зрения, на которую он иногда жаловался; позднее он определился на государственную службу, начал писать в разных периодических изданиях, сперва под псевдонимом *Юзова* и позднее под собственным именем *И. Каблицы*. Отдельные статьи мало-помалу закруглялись, заканчивались в развитии своего содержания; так выросли сборники, целые книги, которые мы назвали выше. По мере того как его умственное развитие подвигалось вперед, он отделялся от одного течения нашей жизни и приближался к другому, всегда оставаясь, впрочем, самостоятельным. Но все это мы отметили уже выше и не считаем нужным повторять. Можно сказать, каждый шаг его движения в литературе оспаривался, подвергался насмешке или осуждению: его не приветствовали те, к кому он шел; злобно провожали те, от кого он отходил; он был одинок и, однако, остался верен правде, которую так прекрасно, так упорно искал всю жизнь.

Насколько мы можем судить, в его идеях не было чего-либо нового и оригинального; там или здесь его мысли можно было найти ранее; но он сам, но его нравственный образ, столь жизненный, свежий, незапятнанный, вот что останавливало невольно внимание в эпоху столь тусклую, столь бледную нравственной энергией, как наша. Повторяем, невозможно было провести несколько времени в его обществе, чтобы не почувствовать к нему совершенно особого уважения. И в самом деле, подумаем даже об этих внешних фактах, но столь много говорящих о внутреннем содержании: чего искал он, проходя по проселочным дорогам целые губернии, ночуя в деревнях (под видом странника), всюду присматриваясь к жизни темных, забытых людьми и не забытых только Богом, селений? Чего нужно было ему за океаном? *Себе* ли искал он чего? Итак, если всю душу свою он положил для ближнего, как дорог он должен быть этому ближнему, как близок был к нему Бог.

Будучи всегда очень скромн и неискателен, покойный довольствовался скромным занятием в одном из наших департаментов,

народ же просто выражает в ней свой нравственный строй. Любопытно, что наиболее прочная и развитая община встречается у староверов наших, т.е. у людей, у которых, кроме церковной, и нет почти другой жизни, которые пренебрегли мирским, здешним, ради верности духовному, как они его понимают. "Мир" как форма труда и жизни неотделим от отречения от мира, от некоторого пренебрежения к нему, в смысле светского, выгодного, земного; ибо что каждый нечто из своего теряет в нем — это ясно для всякого мужика, как и для экономиста, для крупного собственника; только разница в том, что последние не мирятся с этою потерей, будучи на ней одной сосредоточены, первый же мирится ради единства, слиянности себя с "миром", для "души".

далеко не отвечавшим его умственным силам и обширной ознакомленности со всеми почти практически важными вопросами нашей государственной жизни. Товарищи относились к нему с высоким уважением и горячею любовью; для многих из них беседа с ним доставляла и нужное утешение, и живую помощь, — всякий находил у него чего искал, если искал доброго. Мир и покой душе твоей, неутомимый труженик, дорогой товарищ, "в селениях праведных, иде же несть болезни, печаль и воздыхание, но жизнь бесконечная"... как, может быть, ты не ожидал; но Божия правда — не человеческий суд, и сквозь несвязный, поверхностный лепет твоего языка, который один мог быть понятен людям, Бог видел чистые движения твоего сердца, смысл и источник которых для тебя был темен, для них — незнаком и один во всяком человеке истинно ценен.

В. Розанов

Сканирование, распознавание, вычитка и оформление выполнены коллективом сайта
<http://varvarin.ru>